

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Филологический факультет
Кафедра русской литературы XX века

Образ главного героя в романе Захара Прилепина «Санька»

Автор: А.И.Богатырева

Содержание

Введение -----	2
1. Характеристика героя в социальной среде -----	9
2. Любовные линии героя -----	13
3. Раскрытие характера героя в отношениях с семьей -----	18
4. Раскрытие героя в религиозном контексте -----	23
5. Портретные характеристики героя -----	28
Заключение -----	31
Список использованных источников -----	34
Содержание -----	35

Введение

Относительно недавно в литературу введено понятие «нового реализма», которое, как правило, включает в себя произведения молодых авторов, прозу «нулевых». С появлением термина в научных кругах возникла не вполне однозначная его трактовка. Многие отнеслись к новому реализму скептически и даже насмешливо, некоторые – вполне серьезно. Так, Дарья Маркова в статье «Новый-преновый реализм, или Опять двадцать пять», предрекает: «Кажется, Василина Орлова замечала, что возрастная общность скоро распадется — просто со временем. Сейчас мне кажется, что то же самое произойдет и с “новым реализмом”, который больше существует в манифестах и программных статьях, чем в реальных произведениях; он больше характеризует восприятие молодых — их желание влить в литературу свежую кровь, переделать мир, чем новое литературное направление». ¹ Жанна Голенко язвительно добавляет: «За шесть лет “новые реалисты” не создали ничего обещанно-нового... Настоящего “социально-профессионального” статуса в литпроцессе у “идейно близких” — до сих пор нет»².

Напротив, другие критики относятся к творчеству «молодых» достаточно покровительственно, можно даже сказать, заинтересованно. Например, Дмитрий Новиков пишет: «Конечно же, “новый реализм” — явление не новое. Это продолжение традиций всех предыдущих видов реализма, начиная с социалистического и заканчивая магическим. «...» Термин “новый реализм” мне кажется оправданным, ибо о чем бы еще сейчас спорили критики, писатели и читатели, что бы еще вносило движение в достаточно инертный мир литературы. «...» Поэтому пускай будет “новый реализм”, пусть он борется, определяется, проигрывает, побеждает. Пусть

¹ Маркова Д. Новый-преновый реализм, или Опять двадцать пять / Д. Маркова // Знамя. – 2006. – №6

² Голенко Ж. Литературный симулякр / Ж. Голенко // Вопросы литературы. – 2007. – №4.

живет»³. Андрей Рудалев, анализируя высказывания многих критиков, приходит к выводу: «Новый реализм» - это не оформленное нечто, а формирующееся и берегов пока у него действительно нет. «...» В новой молодой литературе нет мыслителей. Текст рождается через надрыв, через боль, через взрыв, сильную эмоцию. Хаотичный, дискретный мир собирается по крупицам, и он пока практически не подвергается анализу. Молодая проза реализует древнюю максиму «познай самого себя», и через свой внутренний мир автор восходит к миру внешнему. «Я» писателя это не реализация крайнего индивидуализма – это исключительное средство познания мира». Да, рано пока обсуждать явление неореализма с точки зрения значимости в общих масштабах человечества, однако, думается, он вполне заслуживает внимание и анализа как то, что выражает дух времени.

Уже сегодня сформировался определенный круг авторов, представляющих новый реализм: Мамаева, Шаргунов, Денежкина, Гуцко, и среди них Захар Прилепин – действительно весьма заметная фигура. Об этом говорят и его необычная биография, и скандальная репутация, и множество мифов вокруг колоритной персоны, и, далеко не в последнюю очередь, качество его произведений. Захар Прилепин родился 7 июля 1975 года (то есть автор он действительно «молодой») в деревне Ильинка Скопинского района Рязанской области, в семье учителя и медсестры, закончил ННГУ им. Н.И. Лобачевского, филологический факультет и Школу публичной политики, в качестве командира отделения ОМОН принимал участие в боевых действиях в Чечне, а с 2003 г. публикует прозу в таких крупных изданиях как «Дружба народов», «Континент», «Новый мир», «Искусство кино», «Роман-газета», «Север». Он – колумнист журналов "Русская жизнь" и "Огонёк", член редколлегии журнала "Дружба народов", секретарь Союза писателей России, сопредседатель Гражданского литературного форума России.

³ Новиков Д. Поморские сказы имени Шотмана, или Мифы нового реализма / Д. Новиков // Вопросы литературы – 2007. – №4.

Активная литературная деятельность (а Прилепин является автором многочисленных книг, таких как «Патологии», «Санькя», «Грех», «Ботинки, полные горячей водкой: пацанские рассказы», «Я пришёл из России», «Terra Tartarara: Это касается лично меня», «Именины сердца: Разговоры с русской литературой», и составителем и автором предисловий к антологиям рассказов о войне и революции: «Война. WAR», «Революция. Revolution») сочетается у писателя с активной гражданской позицией – он принадлежит в леворадикальной оппозиции, является участником коалиции «Другая Россия», членом запрещенной Национал-большевистской партии, сопредседателем всероссийской общественной организации "На.Р.О.Д". В связи с этим пунктом его биографии вокруг имени Захара Прилепина роится множество неподтвержденных слухов, начиная с тех, в которых говорится о его родственных связях со злейшими врагами, и заканчивая убеждениями о его откровенно экстремистском и ксенофобском мировоззрении. Однако это не помешало молодому автору стать многократным финалистом и лауреатом большого количества литературных премий. Так, за роман «Санькя», который во многом суммирует основные мотивы прилепинского творчества и который вызвал, возможно, наибольшее количество откликов, были присуждены: в 2006г. – «Русский Букер», «Национальный бестселлер», диплом премии «Эврика», 2007г. – всекитайская литературная премия «Лучший зарубежный роман года», премия «Ясная Поляна» «За выдающееся произведение современной литературы». Кроме того, произведения Захара Прилепина переведены на одиннадцать языков, а отзывы о нем публичных людей отличаются крайним разнообразием. Например, Игорь Золотусский, критик, говорит: «Читая Захара Прилепина, понимаешь, что это крепкий мужской стиль, крепкое мужское перо», и будто в пику ему Тутта Ларсен, телеведущая, отмечает: «пишет такую нежнейшую, тончайшую, изысканную прозу». На деле – правы оба. Прилепин может быть разным. Евгений Попов, писатель, громко заявляет: «Он - молодой классик», и Павел Басинский поддерживает: «новый Горький явился» (сравнение «Саньки» с романом

Горького «Мать» стало расхожим), а Эдуард Лимонов, писатель, политик, добавляет: «Литературное событие года - это книга моего партийного товарища Захара Прилепина «Санька». Я пожалел, что не я ее написал. Он меня опередил». Помимо всего прочего, еще один критик, Владимир Бондаренко, верно сказал: «Роман Прилепина "Санька" может стать для поколения своеобразным манифестом социального поведения, новым вариантом "Как закалялась сталь" в новых условиях, с новыми общественными проблемами, но с проповедью всё того же отчаянно русского героического максимализма»⁴. Все вместе это – актуальность, качественность, страстность – и повлияло на то, что роман «Санька» стал знаковым и привлек внимание исследователей. Мы решили проанализировать в своей работе образ главного персонажа – самого Саньки Тишина, ставшего воплощением многих авторских устремлений, превратившегося в некотором смысле в героя нашего времени. Отчасти автобиографичный герой является, подобно своему создателю, идейным борцом и носителем революционных идей, яркой фигурой, в связи с чем нельзя не отметить, что этот персонаж и раньше привлекал внимание многих критиков.

Во многочисленных критических статьях идет бурное обсуждение облика героя, его моральных и нравственных качеств. В своей статье «Реалисты-романтики. О старом и новом» Ольга Лебедушкина отмечает, что «заметно только одно: на протяжении всего романа герой не переживает и мимолетного ощущения счастья, даже на уровне простейшего раздражения рецепторов. Все его ощущения как бы приглушены». Далее Лебедушкина говорит: «Саша Тишин постоянно терзаем сомнениями и душевной болью. Правда, вектор “больной совести” направлен чаще всего не от себя — к другим, в сторону сострадания и ответственности за них, а к себе — в сторону “Какой я? Кто и какой? Дурной? Добрый? Надежный? Безднадежный?” В реальности же Саша уверен, что “не совершил за свою

⁴ www.zaharprilepin.ru

жизнь ни одной откровенной подлости. И не откровенной тоже”. Поэтому “по заказу из центра” с легкостью отправляет на “дело”, стопроцентно чреватое пятнадцатью годами тюрьмы, своего друга Негатива, поэтому, не слишком сильно стыдясь, берет у матери деньги, а потом, все же застыдившись, идет грабить — матери на сапоги; застыдившись этого — на появившиеся деньги пьет; и уж, конечно, в том, что на последних страницах романа подстрелят малыша Позика, пробирающегося к захваченному зданию администрации, вина только “мерзкой и гадкой власти” и тех, кто ей служит. Революция... Лес рубят — щепки летят»⁵. Очевидный сарказм критика и его отношение к характеру Саньки как к поверхностному, не озабоченному моральными требованиями, излишне прямолинейному имеет под собой неоспоримую основу – да, действительно, герой Прилепина совершает все эти поступки, но какие мотивы им руководят, мы попробуем разобраться позднее, а пока обратимся к еще одной рецензии под авторством С. Гедройц. Он характеризует Сашку как героя не слишком симпатичного, ведомого, функционера без внутреннего стержня, с банальным сознанием, которому идейная идеология заместила собственный разум. Создается впечатление, что Тишин принимает участие в революции только потому, что больше ему себя занять нечем: «а Саша (он же Санька: так звали в деревенском детстве бабушка с дедушкой; из народа, стало быть, паренек) — вот который произносит этот тост, — он в романе Захара Прилепина как бы неприятель официоза. Функционер как бы оппозиционной, как бы даже радикально оппозиционной, полуподпольной как бы группировки. «...» То есть революционер — единомышленник начальника, но униженный и оскорбленный». Далее С. Гедройц несколько пренебрежительно характеризует Сашу Тишина как «немножко хулигана, немножко грабителя, немножко убийцу — но только с чужими»⁶, эдакого героя «ни рыба, не мясо» - куда уж ему до романтических порывов, которыми наградила его

⁵ Лебедушкина О. Реалисты-романтики / О. Лебедушкина // Дружба народов. – 2006. – № 11. – С. 182– 192.

⁶ Гедройц С. [Рецензия] / С. Гедройц // Звезда. – 2006. – № 9. – С. 235–238.

Лебедушкина. Это одновременно и справедливое суждение, и в то же время нет. Санька действительно безжалостен к чужим, Сергей Костырко в своей статье «По кругу» верно подмечает: «приемы Саши ничем не отличаются от хватки фээсбэшников, только что осужденных, с точки зрения общечеловеческих норм морали». Но в то же время, по мнению того же Костырко, «Санька – идейный борец, а не громила», и «драматизм ситуации Саньки – в противоречии между чистым порывом, реальной болью и практикой их преодоления человеком, отдавшим себя партии»⁷. Вся Санькина страстность – не позерство, это искреннее отношение к жизни, выросшее из комплекса безотцовщины, и развившейся на его почве черной мизантропии. То, что он так по-детски страстно, несколько чересчур отдается делу партии – следствие его душевных ран, но никак не испорченного характера. И для Саши неважно то, что «в чем, собственно, состоит идеология “Союза созидателей”, понять сложно», как говорит Сергей Беляков в «Заговоре обреченных». Действительно, как критик и говорит дальше, «борьба с властью представляется Саньке, Яне, Негативу и прочим “эсэсовцам” чем-то не только естественным, но и неизбежным, а путь профессионального революционера — единственно верным»⁸.

Из приведенных цитат становится очевидным, что логика спора критиков заключается в разрешении вопроса, кто же такой Санька: идейный борец или жертва идеологии, личность или часть массы. В этой связи на первый план выходит образ героя. Итак, нашей целью является рассмотреть образ Саньки Тишина в романе Прилепина. Постановка цели определяет набор задач:

- 1) выстроить логику конфликтов, в которые включен герой, определить пути их возникновения, способы разрешения;
- 2) определить источник силы героя-борца и причины его уязвимости;

⁷ Костырко С. По кругу / С. Костырко // Новый мир. – 2006. – № 10. – С. 175-182.

⁸ Беляков С. Заговор обреченных, или Захар Прилепин как зеркало несостоявшейся русской революции / С. Беляков // Новый мир. – 2006. – № 10. – С. 171-175.

3) исследовать соотношение в образе эмоционального и рационального начал, их борьбу и взаимопроникновение;

4) проанализировать героя в контексте его окружения.

Для достижения данных целей нам необходимо избрать верные методы. За этим мы обратились к работе В.Е.Хализева «История литературы». Он пишет: «Персонажи характеризуются с помощью совершаемых ими поступков (едва ли не в первую очередь), а также форм поведения и общения (ибо значимо не только то, что совершает человек, но и то, как он при этом себя ведет), черт наружности и близкого окружения (в частности - принадлежащих герою вещей), мыслей, чувств, намерений»⁹. Перечисленный круг исследовательских возможностей и станет основой нашей работы.

⁹ Хализев, Валентин Евгеньевич. Теория литературы : Учеб.для вузов .— 2-е изд. — М. : Высш.шк., 2000 .— 398 с. — С. 102-129

1. Характеристика героя в социальной среде

Герой прилепинского текста – человек, заряженный энергией социального сопротивления, и раскрывается он, прежде всего, в социальной среде. Поэтому характеристику персонажа целесообразно начать с его отношения к стране и людям, живущим в ней, к революции и партии. Одним из показательных отрывков является следующее рассуждение Саши Тишина: «Гребаная страна, и в ней надо устроиться куда-то. Мести двор, мешать раствор, носить горшки, таскать тюки и вечером смотреть в телевизор, где эти мерзейшие твари кривляются, рассказывая, как они заботятся о тебе. Их лица... Последнее время Саша начинал болеть, когда видел их лица. Вглядывался в их рты и глаза. Выключал звук порой, и тогда мерзость личин становилась настолько наглядной, что злые мурашки прыгали по спине. Надо устроиться на работу, да. И телевизор не смотреть. Иначе вовсе невыносимо»¹⁰ [256].

В этой несобственно прямой речи как нельзя ярче проступает ненависть героя к власти и окружающему «быдлу» - той самой толпе, из которой нельзя выделить ни одной личности, для которой норма – «телевизионные каналы, каждый из которых напоминал внезапно разорвавшийся целлофановый пакет с мусором - жжик, и посыпалось прямо на тебя что-то обильное, разноцветное и несвежее». [123] Для Саньки это люди, которые убивают его родную страну. Подобный монолог звучит в некотором роде «зомбированно» – так попробуем разобраться, герой озвучивает мысли свои или партии?

Можно отметить, что у молодых революционеров свой, достаточно ясный, но все же еще не вполне сформировавшийся взгляд на мир. Например, когда сосед по больничной палате Лева просит Сашу сформулировать идеологию партии, Тишин отмалчивается, а потом патетически восклицает:

¹⁰ Здесь и далее цитаты приведены по изданию: Прилепин, Захар Санька: Роман. – М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2009. – 368 с.

«Ни почва, ни честь, ни победа, ни справедливость – ничто из перечисленного не нуждается в идеологии, Лева!» [195]. Он ненавидит нынешнюю власть за то, что вырождается народ – перестают появляться люди, к которым он относится с такой опаской из-за того, что не может определить для себя окончательно, на чьей стороне эта толпа. Саша и прочие союзники уже решили, что революция необходима, но что думает об этом любой из проходящих мимо людей? Саньке страшно поверить, что правы все его оппоненты – можно даже сказать, враги – Безлетов, Аркадий Сергеевич, Левушка. Что, если народу действительно не нужна революция, если устали от крови, если бабам «рожать надоело», «надоело кормить эту ненасытную «русскую идею» своими детьми» [194]? Что, если «Россия не вынесет еще одной ломки» [267]? И Сашка предпочитает не задумываться об этом. Надо совершить переворот, а дальше... «О достижении власти он никогда не думал всерьез, власть его не интересовала, он не знал, что с ней делать» [114]. Не знал, что с ней делать – и, тем не менее, неизменно призывал к свержению нынешней правящей верхушки. Похоже на взгляд нигилиста: уничтожить все, что есть, и не построить ничего нового. Но знают авторитеты партии, именно они умело управляют молодыми силами, лишь говорят, что делать, и Саша покорно следует указаниям. Это легко для него, поскольку не требует размышлений. Он решил для себя, что его не устраивает сегодня, а насчет завтра пусть думают другие. Этих других он нашел в партии и легко передал им себя – свою силу, лишь бы хоть что-то изменить. Во что это выльется? Сашке и самому неясно, да и не интересно. Он живет по принципу «любое действие лучше бездействия».

Например, к поступкам по указке лидеров партии можно отнести ситуацию, когда Тишин предлагает своего друга Негатива в качестве определенного рода «камикадзе» - человека, который неизбежно понесет наказание за преступление во имя партии. По этому поводу, как уже было сказано выше, критик Ольга Лебедушкина иронизирует над честностью и «не-подлостью» Саньки, отзываясь о ней как о кажущейся. Между тем

можно заметить, что Саша действительно искренен – хотя бы перед самим собой, и ярость его – ярость честная, молодая, буйная, забывшая, быть может, отчасти о морали (с одной стороны, он подставляет любимого друга), но не лживая – ведь Негатив прекрасно сознает опасность и, тем не менее, с готовностью соглашается. Да и Саша идет на такой шаг не потому, что боится сам (кроме того, его кандидатура сразу была отстранена), и – не с легким сердцем. Нет, он знает, что Негатив – истый революционер, тихоотчаянный, который не боится тюрьмы – как и сам Саша, как любой из партийцев. Иных там нет, а если и появляются по какой-то случайности, то уходят сами подобно Верочке, о которой мы скажем ниже. Перед решающим разговором с другом, примеряя ситуацию на себя, Саша спокойно себе говорит: «Я выживу в тюрьме» [140]. Бороться, пусть даже жертвуя собой – это счастье для того, кто хочет перевернуть устоявшийся миропорядок. И Нега легко соглашается на эту жертву, хотя Санька искренне переживает за друга: «не мог обрадоваться - слишком тяжело было подумать, что ждет Негатива потом, скоро уже, когда их всех повяжут» [162].

Саша проявляет себя как отчужденный персонаж. К людям вообще Санька относится с легким удивлением и отчасти презрением: «Ему казались странными, или глупыми, или неуместными, а чаще всего - примитивными мотивации многих человеческих поступков» [140], но при этом окружающие вызывают у него неподдельный интерес. «Саша любил смотреть на малышей» [120], и в другом месте: «он любил смотреть на людей» [137]. Да, он словно изучает, присматривается к людям, сам как «зверок» – так Саша назвал вместе с Яной всех годовалых малышей. При этом можно заметить, что герой неизменно выступает как противостоящий толпе. Он не среди людей, он просто наблюдает за ними. Он как личность должен договориться с толпой, чтобы выжить в этом мире. «Везде были люди, всюду жили люди, и Саша всегда находил с ними общий язык, хотя порой не понимал их» [140]. Он любит смотреть на людей, но любит ли их самих? Кажется, что вовсе нет. «Если бы они не были такие злые, их бы никто не убивал» [235]. Так ради

кого же в конечном итоге Саша стремится совершить революцию – ради них, себя, или какой-то иной, заоблачной цели? Вновь обратимся к тексту.

«Гадкое, нечестное и неумное государство, умерщвляющее слабых, давшее полную свободу подлым и пошлым – отчего терпеть его? К чему жить в нем, ежеминутно предающим самое себя и каждого своего гражданина?» [114]. «Время оказалось дурным, несправедливым, нечестным» [122]. «А я живу не в России. Я пытаюсь ее себе вернуть. У меня ее отняли» [193], - отчаянно заявляет Санька в диалоге Левой, и здесь проявляется вся его боль «безотцовщины в поисках того, кому он нужен как сын» [145], в компании таких же одиноких «лучших людей на Земле», которые «взялись держать ответ за всех – в то время, когда это стало дурным тоном: отвечать за кого-то помимо самого себя» [148]. Ему дороги не люди по отдельности, которых он опасается, но народ, нация, частью которой он все еще себя ощущает – пусть корни свои он почти забыл, как мы заметим в другой части нашей работы, анализируя отношения Саши с семьей.

В один момент в герое случается перелом. Да, Саша не является лидером своей партии, но ведь именно он ведет отряд на захват мэрии, и он предлагает отомстить за Негатива убийством. Именно месть за друга и изменяет внутренний мир персонажа. Он становится жестче в отношении к жизни, партии, к самому себе. До этого его партия для него не была жизнью на сто процентов, он сам в разговоре с Безлетовым называет себя и прочих «союзников» «горсткой пацанвы», которую «случайными сквозняками согнало» [263], не спорит с пренебрежительным термином «хулиганье» [265], каким наградил их язвительный Безлетов. Но арест друга и полученный им непозволительно суровый приговор изменяют Сашу. Сначала он выступает лидером, организовывая мелочный, в самом деле «хулиганский» налет на Макдональдс. Он сам до конца не понимает, ради чего делает это. Ему хочется доказать всем, что он прав, партия права, сопротивление ей – бесполезно, вот только первый акт этого протеста выглядит как детский каприз. Однако на следующий же день после этого вандализма он узнает о

более серьезном поступке Яны, девушки, в которую он влюблен. «Политическая акция», которая состояла в том, чтобы сбросить на голову президенту пакет с обедками, повлекла за собой ужасные последствия. Яне нанесли тяжелые физические травмы, выбили зубы. Это просто потрясает Сашу. «Президента нам не простят» [302], - понимает он. В нем переплетаются сложные чувства, забава с иностранным рестораником меркнет по сравнению с этим поступком Яны, которую жаль, обиду которой нельзя простить. Ему единственному не весело при просмотре репортажей о действиях партии. Тут же он узнает о том, что к нему домой «приходили опера» - и «толкнули» мать [302]. Яна, мама – самые близкие Саше люди, о его любви к ним мы поговорим в соответствующей части нашей работы. Все это наваливается на Саньку вместе с отчаянием – сознанием, что у них «нет ни одного шанса». Впрочем, для него это «значения не имеет» [313]. Он понимает, что прошло время криков на площади и драк. Нужно действовать, пусть даже это ни к чему не приведет, – сидеть сложа руки ему не позволяет чувство несогласия с происходящим. И именно в этот момент он становится предводителем группы, идущей на захват мэрии.

2. Любовные линии героя

Во второй части нашего исследования обратимся к любовным линиям романа. Условно можно сказать, что их три: с Яной, страстной и ускользающей, «изворотливой», похожей на «ящерицу» [133], Верочкой, к которой юноша относится несколько снисходительно, и... своей страной. Неспроста Саша произносит свой монолог о том, что Родина для него – это жена: «Если ты чувствуешь, что Россия тебе, как у Блока в стихах, жена, значит, ты именно так к ней и относишься, как к жене. Жена в библейском смысле, к которой надо прилепиться, с которой ты повенчан и будешь жить до смерти... жена - это непреложно. Жена - та, которую ты принимаешь... Если у тебя любовь, скажем, к женщине, у тебя уже нет выбора. Или она, или

ничего. И если у тебя Родина... Здесь так же...» [196-197]. Во имя этой святой любви Саша и стремится к перевороту: «В этой стране революции требует все», «сегодня "революция" и "Россия" - это равнозначные и равновеликие понятия. Россия немислима больше вне революции и без революции» [268]. Эта любовь неизменна и вечна. «Неразрешимых вопросов больше не возникало... Родина одна» [113]. И за эту единственную Родину многое можно выстрадать. Россия – это понятие, далеко не равное государству. Это народ, но не люди по отдельности. Россию можно любить как жену, а «государство - палач. Раздевает догола и бьет в солнечное сплетение» [201].

Здесь стоит обратить внимание на то, что однажды Сашка мысленно называет Яну своим «солнечным сплетением» [139] – тем самым местом, боль в котором ощутима особенно ярко, из-за удара в которое можно утратить способность дышать. Яна – его радость и боль. Позднее, когда Сашу пытаются, требуя выдать девушку и других партийцев, его бьют именно туда, специально раздевают, чтобы было видно, куда бить, чтобы наносить удары больнее. В тот момент Санька вспоминает о своих ласковых мыслях, о своей любви, «и это ему показалось таким жутким бредом, потому что нет ни любви, ни нежности, а только – больно и больно» [177]. Станным образом переплетаются в голове героя Яна и Россия, государство и палачи. После выписки он думает о девушке в споре с самим собой: «Она родная? Жена тебе?» [201]. Показательно именно это определение – «жена». Как и страна. Как и страна с ее народом, Яна противоречива и не до конца понятна Саньке. И, хотя ответа на этот вопрос Саша себе не дает, отмахивается уныло от внутреннего голоса: «Отстань» [201], все же ясно, что девушка для него – не просто мимолетная интрижка. Отношения их он рассматривает как «родство – Саша чувствовал это как абсолютное и почти божественное родство» [136]. Не просто так задумывается Саша и над тем, есть ли у Яны отец, размышляя над тем, что все партийцы – безотцовщина. Никого не выделяет, обо всех думает общо, только на Яне мысль спотыкается: «А у Яны есть отец? Какая

тебе, к черту, разница? Нет, интересно. Она же откуда-то из провинции. Вроде бы учиться поехала. И теперь вот... Ведь ее могут посадить. Как она не боится? Она же... тонкая. Откуда это вообще взялось в ней, эта страсть ходить строем, впереди строя, эти наши флаги, эта наша злоба...» [145]. Она тонкая, нежная, ее нужно защитить, она – родная, стать бы ей и отцом, и братом – вот что значат эти Сашкины мысли.

Все мысли о Яне – обрывочны, и в конце уже не вспомнить начала. В какой-то момент Саша решает, что не стоит ничего думать о Яне – и, действительно, не думает: «Постарался ни о чем не думать и не подумал ни о чем» [150]. Только похоже это больше на игру с самим собой, он отвлекается от девушки лишь на какие-то секунды, и между тем, ее образ всплывает перед ним, чем бы он ни был занят.

Сложно сказать, любит ли в общепринятом смысле слова Яну Саша. Он отпускает ее от себя довольно легко, заводит роман с Верой. Но при этом жизнь он готов отдать именно за Яну. Это проистекает оттого, что любовь для Саши – источник его уязвимости. Он неосмысленно, но решительно рвет все эмоциональные связи с этим миром – бежит от семьи (об этом мы поговорим ниже), отдаляется от друзей (даже «на дело» он посылает именно Негатива, лучшего друга, отчасти и по этой причине, не только потому, что Нега – самый яркий партиец), боится влюбиться. Однажды в голове Саши проявляется спокойная мысль: «Я мрачный урод... Я могу убить. Мне не нужны женщины. У меня нет и не будет друзей» [269]. Он чувствует боль и слабость в моменты самого сильного напряжения чувства. Так, секс с Яной предвещает ему пытки: «не закрывая глаза и, кажется, даже не впадая в полубред, Саша почувствовал, как его сшибли с ног и несколько раз ударили очень гибкими дубинками по голове и куда-то еще - в те органы, которые поставляют воздух. Воздуха не стало, но отчего-то его было достаточно внутри тела - настолько много, что можно было не дышать ртом. Его били с оттягом, в жестком, все убыстряющемся ритме, и он сам подставлялся под удары, стремился им навстречу всем телом. Принимал унижение легко,

чувствуя, что хочется закричать, но нет голоса. И не надо. И сводит ноги. Бейте в ноги, просил он, их сводит. Казалось, что чем сильнее будут бить, тем скорее отпустит боль мышцы, скручивающиеся в жесткие жгуты. И мышцы расслабятся. Откуда-то, всего на секунду, вновь пришло острое и болезненное зрение. Увидел: острый ее подбородок, весь влажный» [132]. Практически слово в слово этот эпизод повторяется в сцене в лесу, наедине с палачами. Да и с Верочкой наедине он «испытал почти что боль, а не радость, - темную, короткую судорогу боли» [225]. Стоит поговорить отдельно и о ней.

Верочка для Саньки – это просто ребенок, которую он балует своим вниманием из жалости. Эта жалость скользит даже в нежных мыслях вроде «пальчики мои» [299], «девочка его» [303], адресованных этой девушке. Все у нее маленькое, неловкое, детское, и даже не ноги, а «ноженьки» [221] или «маленькие ступни детские» [299]. «- Иди на диванчик, - Саша бережно провел Верочку через комнатку» [317]. В одном этом предложении, связанном с Верой, три уменьшительно-ласкательных суффикса и слово «бережно», выражающее то отношение, которое связано с чем-то хрупким и маленьким. Но можно отметить, что жалость вообще Саньке не так уж и свойственна, проявляется такое трепетное отношение только к дорогим людям, например, Яне, после того, как ее наказывают за налет на президента, но не к врагам. Так, он безжалостен по отношению ко многим людям, например, к судье, которого готов убить, журналисту «Мудону» [248], над которым он почти глумится, будучи ничуть не милосерднее, чем его собственные палачи. Именно поэтому, как только Саша понимает, что Вера уже не с ними, что она готова отречься от дела партии, он начинает почти ненавидеть ее и презирать, приравнивает девушку к своим врагам и, как следствие, становится безжалостен. Санька грубит ей: «- Я тебя сейчас выкину из машины, - сказал Саша спокойно. Верочка тихо заплакала... Саше хотелось разбить ей голову» [326]. Он был с ней только до тех пор, пока она была частью партии, революции, того правого дела, в котором нуждалась

родная страна. Сейчас герою Верочку не жаль, она для него просто – жалка, заслуживает презрения, и даже то, что ее по-прежнему называют «Верочка», не «Вера», только уничижает ее. Санька уверен, что девушка не выдаст их, но при этом не опасается ее лишь потому, что считает слишком слабой, а не оттого, что уверен в благородстве Верочки. Эта девушка была для него лишь временным успокоением, легкой добычей, которой грех не воспользоваться, тем более, если добыча сама будет от этого счастлива. Она стала для него временной заменой Яны, с той же болью, но не той радостью. С ней «Саша не хотел ничего» [218], проявляется его постоянная усталость от жизни, источник которой мы постараемся обнаружить далее. Наедине с Верой он вспоминает Янино лицо: «гладил долго, с закрытыми глазами, видя не ее, конечно» [224].

А вот Яна – это совсем другое дело. Привязанность к ней приравнена в сознании Сашки и к преданности Родине, как уже было сказано выше, и к любви по отношению к матери. Эти три образа слиты для него воедино. «Думал о маме и о Яне. Они сменялись в голове, и обеих их было жалко нестерпимо, и обе казались родными настолько, что умереть за них хотелось немедленно».

Яне многое прощается – и чужое имя «Костя» [128], которым она называет Сашу во сне, и то, что однажды она покупает свободу телом [156], ее озлобленность, безжалостность и даже возможные отношения с другими мужчинами: «Он вдруг подумал, что ей вообще все равно и никого не жалко особенно. "Наверное, так даже лучше, - повторил он еще раз. - Действительно, так даже лучше. Она же не сестра милосердия... Может, она спит с Матвеем? - подумал Саша. Но мысль получилась странно отстраненной, бездушной. - Спит, не спит - мне все равно, просто я хочу ее видеть. Гладить ее тонкие пальцы иногда... Нет, часто"» [152]. Очень похоже такое отношение Сашки к Яне на его рассуждения о жене в библейском смысле слова: «Жена - та, которую ты принимаешь. Не исследуешь ее, не рассматриваешь с интересом или с неприязнью: кто ты такая, что ты здесь

делаешь, нужна ли ты мне, и если нужна - то зачем, но любишь ее, и уже это диктует тебе, как быть. И выбора в этом случае не остается никакого» [197].

И между тем ни разу у Саши даже косвенно не мелькает мысли о том, что неплохо было бы завести с Яной (да и какой-либо другой девушкой) семью, хотя возраст у него, казалось бы, для этой цели весьма подходящий – «четверть века» [272]. Показательна в этом отношении фраза Яны, сказанная как будто некстати: «Я не люблю детей» [156], да и поведение ее, то, что она не приходит навестить Саньку в больнице, хотя он пострадал большей частью за нее. Для партийцев это очевидно: семья, дети, быт, уютные гнездышки, да и просто любовь – не сочетается все это с образом идейного борца. Легче стать уязвимым, когда есть, за кого бояться. Все они – безотцовщина. Никаких связей. Нельзя обзаводиться новыми, да и старые нужно рвать. Поэтому перейдем к анализу отношений героя с собственной семьей.

3 Раскрытие характера героя в отношениях с семьей

Особого внимания в романе требует отношение Сашки к семье, матери и себе самому. Дед и бабка – те самые, деревенские, которые называют его «Санькя» - так, как имя вынесено в заглавие романа – родители отца. Сашка в какой-то момент задумывается, «ценно ли знание о том, как провели дедушка и бабушка жизнь свою? Или оно никчемно и не нужно?» [50], и не находит ответа. Он – их единственный потомок. Он осознает это, и в какой-то момент добровольно идет на верную смерть, прерывая весь род свой, такой некогда бурный и прекрасный, оставшийся лишь в воспоминаниях да на старых фотографиях. Этого требует дело партии, он предпочитает пожертвовать своим родом во имя всего русского народа. Именно из-за сознания того, что когда-то придется сделать подобный выбор, Саша пытается сбежать от своей семьи, но это дается ему нелегко. Тоска по корням, печаль сквозят в его размышлениях перед семейными

фотографиями: «Только один он, Саша, и остался хранителем малого знания о той жизни, что прожили люди, изображенные на черно-белых снимках, был хоть каким-то свидетелем их бытия. Не станет бабушки - никто никому не объяснит, кто здесь запечатлен, что за народ - Тишины. Да никто и не спросит, кому надо. Выбросят новые хозяева иконостас в непролазные кусты через дорогу, размоет лица на карточках, и все. Как не было» [49]. Никому не нужна ни семья их, ни он сам – никаким чужим людям, только родне. И, несмотря на это, Саша делает выбор: партия или семья. Он бежит из деревни, из семьи. Так, Сашка боится узнать о здоровье деда: «не подпуская близко мысли "...как там дед, взгляни...", прошел» [46], а однажды отвечает на вопрос о родителях, что сирота: «он ответил, что - сирота... и буква "с", вылетевшая в дырку от зуба, как-то особенно подчеркнула это сиротство» [183].

Связь с деревней рвется неумолимо, и Саша даже не пытается ее удержать, восстановить: «бабушкино "нешто" пристало к языку. Но, скорей, он произнес это слово, заигрывая со своей мнимой деревенской породой, которая, если и была, то давно сошла на нет. Даже "нешто" не мог произнести спокойно, не ловя себя за лживый хвост» [53]. Герой и внешне меняется, адаптируясь к городской среде: «Когда из деревни уезжал, он тоже был, как все деревенские пацаны, аляным - а в городе потерял этот яркий, редкий окрас, стал темно-русый» [49]. В конечном итоге у него, подобно многим городским жителям, появляется «дурная привычка разговаривать с жителями деревни так, словно они плохо слышат» [316]. В этой фразе заключено последнее отречение Саши от своих корней, своей России, в которой можно было бы еще прижиться. Теперь осталась только та страна, которая слезно просит о революции, которая ее требует.

Другое отношение у Саши к матери, вместе с которой он живет. С одной стороны, он так же стремится отстраниться от нее, старается ничего не рассказывать о партии, сбегает, ничего не объяснив: «"Если ты меня любишь - не мешай мне..." - сказал он матери когда-то. Но она мешала. И он перестал

ей говорить что-либо, скрывал от нее почти все» [145]. Мать Сашу переживает за него, ее мучит неизвестность, отговорки сына, его скрытность и наигранная бодрость: «Оставил матери записку: "Мам, все хорошо"» [30]. В ответ на это женщина даже не может спорить и просить, ее поглощает отчаяние: это чувствуется в том, что она пишет ответ на записку под словами сына, да к тому же «написанное было лишено знаков препинания, и оттого Саша еще острее угадывал горькие материнские интонации» [58]. Сашу это раздражает, он пытается скрыться, сбежать, не думать, дать себе право освободиться от семейных связей, право хотя бы даже ложное: «Он убрал записку с глаз долой» [58]. Однажды Саша думает, глядя на материнский тощий кошелек: «тьфу, как противно мне» [259]. Неясно до конца, отчего именно противно: оттого ли, что государство, которое он так ненавидит, довело его мать до бедности, почти нищенства, или оттого, что мать жалка сама по себе, как отделенный от него, Саньки, человек из толпы, человек из государства.

И все же, мать он жалеет и очень ею дорожит. «Он никогда не врал матери, и даже сейчас врать не хотел» [276], «"Маму мою кто смеет обидеть? Мать мою кто?"» [305]. Ее мучения и тоска причиняют ему боль: «голос мамы в телефонной трубке звучал обреченно и скорбно. Саша был готов разодрать свое лицо, слыша этот голос» [28]. Терзаемый угрызениями совести из-за того, что забрал у нее последние деньги, Саша идет на преступление. Идет будто даже и неосознанно: «Саша не запомнил мгновения, когда решил сделать это. Не было ни одной мысли вообще» [273]. И после преступления юноша не испытывает сомнений в правильности своего поступка: «Саша шел... ясный и трезвый», «Каждый удар сердца был прям и честен, все было на своем месте, ни одна жилка не дрогнула» [275]. Такая прямота действий – следствие работы партии и одновременно усталости Сашки от жизни, о происхождении которой мы поговорим ниже. «К «союзникам» Саша пришел легко, потому что все остальное уже потеряло к этому времени значимость» [114]. Осталась только страна.

Семья, от которой сейчас бежит Санька, была большей частью разрушена гибелью отца. Тяжелая, почти мистическая сцена похорон, когда возникает препятствие за препятствием на пути в деревню, имеет свое символическое значение отречения. Пути в деревню больше нет, все занесено снегом, там и людей-то почти не осталось – Сашин дед даже спрашивает как-то: «в городе-то есть еще мужики?» [51]. Да, в городе есть. Но и туда дороги тоже нет, и Саша с матерью, мертвым отцом и Безлетовым, которому предстоит еще стать врагом партии, застревает посередине пути. В этот момент он переживает вспышку отчаяния: «"Как все глупо, Господи!" - хотелось заорать» [109]. Эта вспышка, похоже, – единственная за весь роман. Во все остальное время Саша закован в безразличие и усталость. Следствием пережитого кошмара отчаяния и является его страх повторной ошибки, если придется вновь совершать выбор, которая может привести к подобной безысходной ситуации: «"Я все перепутал. Все перепутал. А где? В каком месте я ошибся?"» [109] думает он посреди дороги в деревню. Перепутал именно он, и теперь, чтобы никогда больше не переживать подобного ужаса, юноша решает все для себя определить раз и навсегда. Никакого возврата.

«Саша никогда не мучался самокопанием... Неразрешимых вопросов больше не возникало. Бог есть. Без отца плохо. Мать добра и дорога. Родина одна» [113-114]. Именно так определяет Саша свою жизнь, пытаясь забыть про все остальное. Впрочем, насчет самокопания героя можно несколько и засомневаться. Интересно, что думает об этом Саша как раз в тот момент, когда пытается определить – «какой он». «Добрый или злой» [114-115]? Казалось бы, все в этом мире ясно, где Бог и что такое Родина, как ее защищать – однако же нет, возникают сомнения в правильности своих поступков. Это проистекает от того, что просто запретить себе не думать о чем-то нельзя. И, хотя искусственно Саша создал для себя правила, законы и табу, чувства мешают неукоснительно следовать им. Эта борьба сознательных поступков и требований чувств измучивает героя. В свои двадцать пять он оказывается опустошен, видна нечеловеческая усталость

этого молодого человека, который, казалось, только начал жить. «Саша вдруг поймал себя на том, что пытается лицом повторить форму той или иной примеченной им улыбки, - сделать такое же счастливое лицо. И не получается у него» [272], «Буду видеть сны. Чего бы такого увидеть во сне?... Херово, когда прожил четверть века и понимаешь, что уже ничего не хочешь увидеть во сне» [272], «Только Саша не хотел ничего» [218] – здесь чувствуется в некотором роде лукавство. Он не «не хотел», он «не мог». У него просто не осталось сил на радость и счастье, он все бросил, приняв однажды такое решение, на дело партии. Покая бы ему теперь, но уже поздно – машина завертелась, надо идти до конца.

«Он чувствовал, что все болевшее последнее время внутри - все перегорело. И теперь в этом месте ничего уже болеть не будет. Осталось только прижечь, чтоб присохло мертвой коркой» [277] - это место и не требует особого комментария. Сашка устал. Все – перегорело. Нет больше чувств, эмоций, стремлений и желаний. Он потрясен несправедливостью и мерзостью мира. Все неправильно, все переломано. Он думает о том, зачем некоторые люди носят с собой по ночам суммы, на которые его мать – честная труженица – должна работать несколько лет, и не может найти ответа. Он не имеет даже сил на то, чтобы воспрянуть духом. Именно после переломного момента – когда он идет на преступление, чтобы достать денег матери на сапоги – появляется в нем безысходное равнодушие, не прерываемое даже вспышками болезненной любви к Яне, отупение, в состоянии которого он ведет отряд партийцев на захват городской мэрии. В разговоре с Матвеем он прямо заявляет, что никакого значения не имеет то, что у них нет «ни единого шанса» [313].

Сашка собирает партийцев, о которых однажды говорит: «те, с кем мне славно брать, делить и приумножать власть, - мои братья» [195] - тех, с кем он одной крови, те, которые так же не имеют отцов, пусть и не в прямом смысле: «Есть и с отцами "союзники". Но им не нужны отцы... Потому что - какие это отцы... Это не отцы» [145]. Брошенные сыны. Его семья, та,

которую он нашел сам, отрекшись от истинных своих корней. Он призывает «братьев» к действию «с легкой улыбочкой» [331], кажется даже, с каким-то снисхождением ко всем их действиям. Они бессмысленны. Но бездействие тоже не имеет смысла, и потому лучше умереть самому, прежде чем увидишь, как погибнет твоя Родина, именно поэтому Саша и говорит Безлетову, с которым его связывают весьма странные отношения: «Смысл в том, чтобы знать, за что умереть. А ты даже не знаешь, зачем живешь... Такие, как ты, спасаются, поедая Россию, а такие, как я - поедая собственную душу. Россию питают души ее сыновей - ими она живет. Не праведниками живет, а проклятыми. Я ее сын, пусть и проклятый» [363]. Смысл жизни для Саши в том, чтобы знать, за что умереть – это лишний раз подтверждает, что сил для полноценного существования у него не остается.

Саша «редко из-за чего переживал глубоко и болезненно» [113] – тоже следствие его измученности и усталости. Всю свою боль он глушит спиртным, и даже пытается запретить себе переживать из-за всяких глупостей вроде неразделенной любви. В этих своих самозапретах Санька научился получать удовольствие. Вся его жизнь – или равнодушное отупение, или боль. Быть может, его душу могло бы спасти обращение к Богу, но об этом мы поговорим в следующей части нашего исследования.

4. Раскрытие героя в религиозном контексте

В части, посвященной рассмотрению отношения Саши Тишина к религии, стоит обратить внимание на то, что при мыслях о собственной семье у молодого человека появляется лексика, касающаяся ее обрядовой стороны: «В противоположном углу комнаты висел "семейный иконостас" - с фотоснимками, тысячу раз виденный. Но Саша до сих пор любил разглядывать его» [46]. Это совпадение не случайно – такие же сложные отношения, как и с семьей, у Саши и с верой, более того, эти два понятия для него переплетены. Саша когда-то уже решил для себя столько же твердо, как

и то, что Родина – одна, что «Бог – есть» [113], но относится он к этому Богу странно, как брошенный сын к отцу своему. И большей частью желание обратить на себя внимание Господа возникает у Саши, действительно, в связи с потерянным отцом. «"Тяжело как, Господи..." – неожиданно признался себе Саша и чуть не заплакал» [107] по пути с гробом отца в деревню, и подумал он на дороге туда же: «"На могилу к отцу друзей свожу... Покажу ему, какие у меня друзья... Выпьем на могилке... Деду поклонюсь, ни разу у него не был. А? Господи, довези нас!"» [262].

Часто он упоминает имя Господа в отчаянии, безысходности, – во время пыток, похорон отца, но также и за просмотром на нетрезвую голову фильма из детства о революции: «"Господи, да что же это? – спросил. – Что же я так плачу?"» [284]. Во время пыток, чувствуя себя героем, страдающим за правое дело партии, Саша даже проводит параллель между собой и Христом-искупителем: «Даже Христа не раздевали, гады вы, - сказал Саша и почувствовал, что плачет» [177]. Сильные чувства, близкие слезы – это заставляет его искать чьего-то сочувствия, если не человеческого, то божеского. Но не находит Санька и его. Поднимая в бессилии глаза к небесам в лесу, среди мучителей, надеясь обрести там силу, поддержку, Саша испытывает горькое разочарование: «Так никто в небе и не появился» [175].

Это подсознательно меняет его отношение к Господу. Он не помог Саше в трудную минуту, он предал, бросил, как и отец, и теперь по отношению к нему остается только обида. Сейчас Санька по-детски наивно хочет выделиться, обратить на себя внимание небес хотя бы подлостью. Упиваясь ею, «свою подлость ненавидя сладко», он вопрошает небеса: «Хватит для ада? «...» Не хватит? Я еще добавлю» [255], но однажды все же вновь забывается, просит Господа о помощи, и тут же одергивает себя: «"Господи, довези нас!". Саша дрогнул сухим сердцем, вспомнив, как спрашивал, много ли нужно еще для ада... И теперь к тому же Господу пристаешь: "довези?" "Ни о чем не прошу. Ни о чем", - ответил» [314].

Ничего ему не надо, всего он хочет добиться сам. Саша обрывает последнюю нить, связь хоть с чем-либо, остается совершенно один.

Но православная правда еще жива в этом неприкаянном сыне России. Хоть как-то раз он и думает о себе брезгливо: «святоша...» [115], но в момент спора с Безлетовым Саша предлагает ему прочитать десять раз «Отче наш» и посмотреть телевизор – увидеть, что «там одни бесы» [262]. Россия для него – страна православная, священная, те, кто терзает ее, перекраивает по-своему, выживает русский народ – нечистые. Но здесь стоит обратить внимание на то, что, когда отряд под предводительством Саши идет на захват мэрии, не единожды в адрес отчаянных парней раздается то же самое слово, как из уст противостоящих сил, так и от напарника самого Саньки, Олега: «- Бесы! - обернувшись, крикнул кто-то. Никто не обратил внимания» [354]; «- Что, бесы? Сбросили свои поганые шкурки!» [340]. Даже сам Саша называет свое войско «орда» [357], а ведь стоит вспомнить, что много веков назад захват Руси именно «погаными», некрещеными ордынцами принес стране немало страданий и погубил множество русских людей. Так, значит, подсознательно Саша сам прекрасно понимает, что и он неправ, что этот мятеж – не выход, они все равно ничего не добьются, их правда – не всеобщая истина. Сознание этого приходит к нему после рассуждения деревенского старика о Боге и России: «В сердцах ваших все умерли, и приюта не будет никому... Думают сейчас, что Русь непомерна во временах, вечно была и всегда будет. А Русь, если поделить всю ее на мной прожитый срок, - всего-то семнадцать сроков наберет. «...» Мы-то в юность нашу думали, что дети у нас будут, как сказано было, - не познавшие наших грехов, а дети получились такие, что ни земли не знают, ни неба. «...» Люди надеются, что Бога приручили, свечек ему наставив. «...» Чуть что - и на Бога лживо кивают: "Бог так решил. Бог так сказал. Бог так задумал". И снова гребут под себя, у кого на сколь когтей хватает. А откуда им, глупым, знать, что Он задумал, что по Его воле, а что от попустительства Его?... И печаль не о том, что ничтожен человек, а то, что он зол в своем ничтожестве. Чем

больше замечает, что другие его ничтожество видят, тем злее становится... Нету выхода вам больше, так» [319-320]. Именно после этих слов Саша решается на сбор «орды». Ему не остается ничего иного, выбор уже совершен. Выхода нет и не будет, он тоже не насытит свой «голод от ума», ведь «насытить его нельзя, потому что насытятся только алчущие правды» [320], как сказал дедушка. И, хотя Саша подсознательно понимает неправоту партии, он не может этого принять. Он по-прежнему «проклятый сын Родины», он считает себя правым, потому что нельзя терять то, ради чего отрекся уже от столь многого: от России. И в христианском контексте Санька рассматривает русского человека как такового, вот только переворачивает известный библейский миф, уподобляя каждого – себе, переломанному: «Человек, созданный из глины, - весь сплошная травма. Вы травма, я травма, любой. И все мы их разрешаем, свои травмы, всю жизнь...» [263]. Все проблемы человечества – от известной хрупкости каждого из его представителей отдельно.

В заключительной части романа неотрывно присутствует чувство общей неизменной обреченности и потерянности. Санька заранее прощается с партийцами, другом Венькой, который не понимает, что происходит: «- Веня, родной мой... - А ты че, уходишь куда? - спросил Веня. - Хорошо меня тискать...» [365], но при этом он безразличен в этой своей безысходности: «Саша ни о чем не думал, ничего не страшился, был стерилен и прозрачен, как шприц» [347], «Саша постоял возле одной витрины, возле второй. Никак не мог понять, что ему нужно. Что это такое вообще, зачем это все» [357]. Сознание собственной неправоты преследует его, он потерян, нужно только, чтобы все кончилось скорее – и все. При мысли о том, что город захвачен, Саша не испытывает радости, скорее – легкую досаду... «Внутри было ощущение, будто к празднику подарили большой короб, - а внутри короба ломаный картон, старый ботинок, объедки, остановившиеся часы, рамка из-под чего-то, ржавый гвоздь» [356]. Мысли ребенка-детдомовца,

безотцовщины. Ожидание чуда и горькое, обидное разочарование. Устал. Ничего больше не надо.

«Саша достал сигарету, закурил. Уселся, вытянув ноги» [365] - крайне странное поведение перед лицом смерти. Впрочем, здесь Санька уже осознает, что его последний час пришел. Они ничего не добьются. Все безразлично. Настроение Сашки переменчиво – то он почти апатичен, а то вдруг начинает бросаться громкими словами, резкими фразами: «Вижу в вас гной, и черви в ушах кипят!» [366]. Эта страсть и патетика легко объяснимы. Если уж умирать, так с музыкой. В герое плещутся отчаяние и боль обреченного и проклятого сына своей страны.

Финал произведения особенно ярок. Казалось бы, он открыт, но на деле все очевидно. Сашка устал. Сидя в окне мэрии, он думает о погоде, нагрянувших морозах, грязи, которая еще «потечет» [367] – не только в виде слякоти на улицах, но, пожалуй, и о грязи моральной, от которой не спасет страну смерть партийцев. Снежинки облетают Сашину ладонь, не садятся на «горячую кожу и пот» [367]. Нет ничего светлого. Ничем не спастись. Выделяются ярче линии на ладони – как черты лица покойника. Действительно, герой уже наполовину мертв. Убита душа, хоть тело пока и живет. Санька кладет крестик в рот – по снайперской примете: «Сначала он охладил язык, потом стал теплым. А потом – пресным» [367]. Крестик согрелся, в отличие от его потерянного во время захвата города талисмана, гильзы, подобранной у трупа судьи – та никогда не могла принять на себя тепла, ожесточала Сашу, давала сил, в отличие от не отозвавшегося однажды неба, но в то же время медленно вела его к смерти: «"Я все смогу", - говорил он, касаясь гильзы в кармане. Она холодила пальцы, ее никогда нельзя было нагреть» [304].

Смерть – не греет. Греет только вера, надежда и любовь, но это Саша осознает лишь за несколько минут до собственной гибели. Греет, но не спасает. «В голове, странно единые, жили два ощущения: все скоро, вот-вот прекратиться, и - ничего не кончится, так и будет дальше, только так» [367] -

точные и емкие описания смерти, Сашино представление которой отличается от общепринятых православных догматов. И герой, и автор, и читатель понимают и знают: Сашка умрет. Все кончится, но для Саньки это мгновение останется замеревшим в вечности.

5. Портретные характеристики героя

Отдельное внимание стоит уделить портретным характеристикам героя. Как можно заметить, восприятие всех аспектов собственной жизни у Саши меняется по одной схеме: комфортное существование, принятие; разочарование, раздражение, неприятие; безразличие и усталость. Это касается не только семьи, Бога, но и самого себя. Например, по отношению к собственному облику можно проследить такую градацию мнений Саши. Однажды, разглядывая «семейный иконостас» [46], герой находит и свою фотографию: «А вот и сам Саша - четырнадцати лет, розовый, яснокожий, волосы набок зализаны» [49]. «Яснокожий», «аляный» [49] – лексика теплая, народно-ласковая. Маленький Саша явно нравится себе сегодняшнему. Да и позже отмечено: «Вспоминая себя, свою жизнь, Саша только того мальчика и любил, темноногого, в царапках. Потом, выпростав белую шею, из этого малыша вымахала белотелая, ссутулившаяся дурнина, глупо ухмыляющаяся и несущая прочие подростковые приметы. Саша не вспоминал свою подростковую пору, всегда обходил ее стороной. Суевливый, задиристый, неприятный - хочется разве вспоминать такого» [53]. Период неприятия себя герой прошел, будучи подростком, сейчас же, достигнув сознательного возраста, он абсолютно безразличен к себе: «В стекле отражался он – короткие волосы с упрямым чубом, небритые скулы, темная кожа, лоб в ранних морщинах... Обычное лицо» [30]; «В подрагивающей воде отразилось лицо. Никакое - не испуганное, не гордое. Просто лицо» [169]; «Взглянул на себя в зеркало: лицо как лицо. Его лицо» [254]. «Обычное», «никакое», «просто лицо» – подобными фразами заканчивается почти каждое

описание Саньки. В такого рода характеристике отражается типичность героя. Таких, как он, много, он ничем не выделяется внешне, отличают его лишь поступки и устремления.

В портрете Саши видно предчувствие скорой гибели, герой ощущает себя преждевременно состарившимся: щетина, «отчего-то показалась седой, с седыми волосками» [138], «лоб в ранних морщинах» [30]. Вообще, портретных зарисовок не так много в романе, и они не отличаются обширностью и яркостью. Взгляд у Саши «размытый, неясный» [138], и это перекликается с его внутренним неопределенным, утомленным состоянием. Переменяясь внешне, герой изменяется внутренне. Так, отбросив «аляный» цвет волос, он отрекается от деревни, но сохраняет еще в себе теплые чувства. Позже, пережив пытки, разочаровавшись в жизни, он стал трансформировать свое тело осмысленно: «Он последнее время, с тех пор как грудь немного поджила, по несколько раз в сутки истязал себя, отжимаясь и подтягиваясь, и заметил, как оброс тонкими, жесткими мышцами. Стал худым и твердым. И голова пустой стала, лишенной эха. Никто не откликался внутри ее, ни на одно слово, и воспоминания теплые и детские ушли» [218]. Перемены эти воспринимаются Сашей как ломка, как обреченное и осмысленное уничтожение себя. Он «чувствовал свое лицо, какое-то чужое» [254], а однажды «смотрел в свое лицо и видел, как приближается она (революция), несущая жуть и ярость, - и никуда не деться уже» [230]. В какой-то момент ему хочется «распасться и лежать мягким студнем», потому что «все время локти мешали, колени, позвоночник» [230], но нет, не распадается. Он – неделим, «состоящий из жил и костей», с лицом, сделанным «из цельного куска». Саша переменял себя так, что стал отражением самой Революции, и остается ему один путь, с которого он не собирается сворачивать. С уходом воспоминаний, потерей связи с прошлым, Саша достигает личной жизненной «точки невозврата», и с тех пор он неумолимо движется навстречу собственной смерти. В переродившемся

образе, без родины, семьи, любви и Бога он обречен. В этот момент ничего иного не остается, как поставить в его истории точку.

Заключение

Роман Захара Прилепина «Санькя» явился для автора своеобразным манифестом программным произведением писателя, своим появлением поднявшим бурную волну дискуссий.

На сегодняшний день «Санькя» – одно из самых популярных произведений Захара Прилепина. Показатель этого – множество наград и литературных премий таких, как «Русский Букер», «Национальный бестселлер», диплом премии «Эврика», всекитайская литературная премия «Лучший зарубежный роман года», премия «Ясная Поляна» «За выдающееся произведение современной литературы». Это также и самое скандальное произведение, поднявшее своим появлением волну общественных споров о правомерности бытования и истинности мнений национал-социалистов. Отчасти автобиографический герой, как следствие, тоже вызвал немало толков о сущности своего характера. Различные критики определяли Сашу по-разному. Кто-то – как лицемера, кто-то – как слабого, безвольного человека. Мы же, по итогам нашего исследования, более всего склонны согласиться с мнением Сергея Костырко о том, что «драматизм ситуации Саньки – в противоречии между чистым порывом, реальной болью и практикой их преодоления человеком, отдавшим себя партии»¹¹.

Так, проанализировав образ Саши Тишина в контексте его окружения, мы пришли к выводу, что основная проблема героя в том, что он нигде не мог найти своего места. Саша умышленно избегал всех эмоциональных связей, отдавшись партии. Его семья была разрушена смертью отца, и юноша сам удалился от бабушки, дедушки и матери, пожертвовав ими во имя дела Союза Созидających, то есть ради борьбы за русский народ. Из этих же соображений Саша не позволял себе влюбиться. Светлое чувство, вспыхнувшее в нем по отношению к Яне, было целенаправленно уничтожено как им самим, так и девушкой. Яна, почувствовав какую-то теплоту к Саше, бросила его, поскольку у истинного партийца не может быть иных интересов,

¹¹ Костырко С. По кругу / С. Костырко // Новый мир. – 2006. – № 10. – С. 175-182.

кроме тех, которыми болеют все из Союза Созидающих. Поэтому Саша лишается даже друзей – его единственный лучший друг Негатив осужден на долгих пятнадцать лет, отчасти по вине самого же Тишина. Очевидно, это также происходит от подсознательного желания героя не быть ни от кого зависимым, никем не дорожить. Это неестественно для человека, и борьба чувств и эмоций с разумным началом измучивает героя. Таким образом, пытаясь сделать свое одиночество источником силы, герой лишь делает себя более уязвимым. Компенсировать одиночество он пытается среди партийцев, но там он не нужен как человек, партийцы относятся к нему только как к союзнику (Олег, Веня) или просто – предводителю (ребята из отряда). Он наталкивается во многом на непонимание «братьев» (это видно в сцене прощания с Венькой). Одиноким человек слаб. Саша оказывается в безвыходном положении – он не может себе позволить иметь близких, но и один существовать не может. Рациональное и эмоциональное ведут в нем непримиримую борьбу.

Помимо всего прочего, эмоции Саши тоже противоречивы сами по себе. Сильно влияющий на его личность комплекс безотцовщины, свойственный всем партийцам, заставляет героя разрываться между различными сторонами восприятия мира через чувства. Из-за этого сложны отношения Тишина с Богом. Душою юноша тянется к Небу, светлому и священному, он воспринимает свою страну как православную. В Бога он верит, но при этом в обращениях к Нему Саши сквозит обида на то, что Всевышний когда-то не услышал, не уберег. Санька слишком рано занял место взрослого, старшего в семье, не смог сразу сделать это с достоинством, поскольку еще не успел вырасти, и поэтому изначально принял несколько неверных решений – например, во время похорон отца. Саше хочется хоть где-то найти приют, где он имел бы возможность показать себя слабым, но такой обители нет, и юноша боится собственной уязвимости, пытается скрыть ее за выдуманым панцирем. Однако это у него получается плохо, Саша срывается, возносит гневные монологи к Небесам, с позерским

удальством говорит о своем желании попасть в ад, а в момент перед смертью – кладет нательный крестик в рот. Несмотря ни на что, он не смог убить в себе все светлое, в нем по-прежнему жива вера.

Возникающие конфликты Саша не может разрешить компромиссно или хотя бы поэтапно, он просто «разрубает» их при помощи грубой силы, подобно Гордиеву узлу. Если его не слышат, он идет что-то разрушать – подход ребенка, обделенного вниманием. Ему кажется, что если он сожжет Макдональдс, то сразу же будет услышан. Вернее, ему хочется в это верить, и все равно, если подобный жест не принесет своих плодов – он свое мнение высказал.

Безусловно, идущая в таком направлении борьба чувств и разума не могла завершиться успешно. Слишком быстро она измучила героя, он погас, душа его погибла. Безразличный ко всему: к семье, к близким, к себе самому, даже в любви находящий только страдания, удовольствие воспринимающий как боль, Саша не находит в себе сил бороться дальше. Совершая последний отчаянный поступок, он ведет отряд на захват мэрии, не испытывая в это время сам никакого эмоционального подъема, ведет – чтобы погибнуть.

В образе этого юноши, не способного найти правду жизни, отказывающегося от настоящего и не знающего, какого будущего он хочет, заключен своего рода герой нашего времени. Многие из наших современников и сейчас боятся, стесняются, не имеют права или просто не умеют показывать своих чувств, пытаются бороться с установившимся не устраивающим их режимом, но безуспешно, поскольку, отрицая, не могут чего-то предложить. Таким образом, Захару Прилепину удалось создать роман-манифест нашего поколения.

Список использованных источников

1. Маркова Д. Новый-преновый реализм, или Опять двадцать пять / Д. Маркова // Знамя. – 2006. – №6
2. Голенко Ж. Литературный симулякр / Ж. Голенко // Вопросы литературы. – 2007. – №4.
3. Новиков Д. Поморские сказы имени Шотмана, или Мифы нового реализма / Д. Новиков // Вопросы литературы – 2007. – №4.
4. www.zaharprilepin.ru
5. Лебедушкина О. Реалисты-романтики / О. Лебедушкина // Дружба народов. – 2006. – № 11. – С. 182– 192.
6. Гедройц С. [Рецензия] / С. Гедройц // Звезда. – 2006. – № 9. – С. 235– 238.
7. Костырко С. По кругу / С. Костырко // Новый мир. – 2006. – № 10. – С. 175-182.
8. Беляков С. Заговор обреченных, или Захар Прилепин как зеркало несостоявшейся русской революции / С. Беляков // Новый мир. – 2006. – № 10. – С. 171–175.
9. Хализев, Валентин Евгеньевич. Теория литературы : Учеб.для вузов .— 2-е изд. — М. : Высш.шк., 2000 .— 398 с. – С. 102-129
10. Прилепин, Захар Санья: Роман. – М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2009. – 368 с.